

Этические идеи Рубена Апресяна* : поиски и открытия¹

Артемьева О. В.,

кандидат философских наук,

Институт философии РАН, Москва, старший научный сотрудник,

o_artemyeva@mail.ru

Аннотация: В статье представлены наиболее важные для этической теории Р. Г. Апресяна идеи в их взаимосвязи и динамике. Ключевой здесь является концепция морали, в которой он акцентировал приоритетную значимость нормативно-содержательных аспектов. Р. Г. Апресян показал, что нормативное содержание морали задается тремя фундаментальными нормативными формами: Талионом, Золотым правилом и Заповедью любви, между которыми не существует разрыва, они, напротив, взаимодополняют друг друга. Рассмотрение Талиона как специфически морального (а не доморального) правила, суть которого состоит в ограничении и пресечении зла, является по-настоящему новационным, как и сама идея нормативной непрерывности всех трех правил. Их дополнительность Апресян объясняет историко-генетической взаимозависимостью, которая была подтверждена им на основе собственного метода «концептуальной экспликации рудиментарного нормативного содержания». Реабилитация Талиона для Р. Г. Апресяна стала отправной точкой для переосмысления морального абсолютизма и его разносторонней критики. Исследование источников моральной императивности привело Р. Г. Апресяна к убежденности в неоднородности, внутренней сложности феномена морали как его определяющей черты. Лишь принимая во внимание эту черту, считает Р. Г. Апресян, возможно адекватное целостное осмысление морали, охватывающее различные стороны многообразного морального опыта.

Ключевые слова: Рубен Г. Апресян, моральная философия, мораль, Талион, Золотое правило, Заповедь любви, критика морального абсолютизма, общественная мораль, этика раннего Нового времени, науки о человеке.

Научные интересы Р. Г. Апресяна разнообразны и разнонаправленны. Тем не менее из его исследований складывается целостная система, в центре которой — феномен морали во всей его неоднородности и сложности. Задача этой статьи — раскрыть ключевые элементы этой системы и ее общий смысл, проследить поворотные моменты в ее формировании.

* Признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

¹ При написании статьи были использованы некоторые материалы из публикации: Artemyeva O. V., Prokofiev A. V. Ruben Апресян's Moral Philosophy // Russian Studies in Philosophy. 2020. No. 58:2. P. 75–92.

Идея морали

Первые исследовательские опыты Р. Г. Апресяна, итогом которых стали кандидатская диссертация и книга [Апресян, 1986а], посвящены анализу английского новоевропейского этического сентиментализма. Благодаря Р. Г. Апресяну это направление в истории мысли, прежде известное лишь по изданиям справочного и обзорного характера, было не только представлено с достаточной полнотой, но и оказалось вписано в контекст теоретических обсуждений природы морали. Освоение сентименталистского учения о моральном чувстве как источнике морали стало одним из первых шагов к выработке им собственной концепции морали.

Последующее развитие этических взглядов Р. Г. Апресяна было опосредовано осмыслением некоторых философско-антропологических теорий, позволивших ему освободиться от давления историко-материалистических схем в истолковании морали. Пережитый им методологический поворот [Беседа, 2013, с. 25–27] выразился в отказе от рассмотрения морали как одной из функций общественного организма, вообще в отказе от функционалистского подхода к объяснению морали и признанию существенности ценностного содержания морали для понимания ее природы, в утверждении того, что хотя мораль и проявляется через социальные отношения, по своему характеру она все же «предсоциальна» [Апресян, 1991; Апресян, 1993; Апресян, 1995].

Особенность подхода Р. Г. Апресяна к определению «идеи» морали состояла в том, что он делал акцент на значимости ее ценностного содержания, выраженного, как он считал в то время, в двух фундаментальных принципах — в Золотом правиле и в Заповеди любви. Мораль — это то, что повелевается данными императивами, и определяет ее как «совокупность ценностей, ориентирующих на духовно-возвышенный идеал человеческого единения, выражающийся в примиренности, солидарности, милосердной любви» [Беседа, 2013, с. 29]. Отталкиваясь от Заповеди любви, задающей разновекторные ценностные ориентации — на высшее (на Бога) как универсальное и на Другого (ближнего) и противоположных им ориентаций — на партикулярное (материальные потребности) и Я (самого себя), Р. Г. Апресян представил эти ориентации в виде системы координат, на пересечении которых он выделил нормативные программы поведения человека — перфекционизм, альтруизм (агапизм), прагматизм и гедонизм. При этом он подчеркивал, что хотя данная ценностно-нормативная схема получена на основе аналитической реконструкции нормативного содержания Заповеди любви, ее нельзя считать исключительной для иудео-христианской традиции. Схожее нормативное содержание в том или ином виде встречается во всех культурных традициях, что объясняется его релевантностью фундаментальным антропологическим и социальным характеристикам человека.

На обсуждении книги «Идея морали» в редакции журнала «Человек» (организованном Ю. А. Шрейдером) Р. Г. Апресян отмечал, что в этой книге он скрыто полемизировал со своей предыдущей близкой по содержанию книгой — «Постижение добра» [Апресян, 1986б], преодолевая функционалистский подход. Без этого преодоления невозможно было бы прийти к позитивным нормативно-этическим выводам и, в частности, ответить на вопрос, в чем же состоит добро, — вопрос, на который в книге с названием, содержащим слово «добро», как ему казалось, он не смог дать четкий и определенный ответ [Идея морали, 1997, с. 76]. В этом смысле участь «Идеи морали» в творческой биографии Р. Г. Апресяна

оказалась благоприятнее. Выработанные в этой книге идеи и подходы потом на протяжении нескольких лет успешно использовались им и при подготовке учебника «Этика» [Гусейнов, Апресян, 1998], и при написании множества статей в энциклопедических изданиях, прежде всего в энциклопедическом словаре «Этика» [Этика, 2001], и в его первых лекционных курсах в Московском и Новгородском университетах, где он в качестве приглашенного профессора преподавал многие годы.

Однако уже с начала 2000-х годов в работах Р. Г. Апресяна можно заметить постепенные концептуальные смещения и продвижения, ведущие к трансформации позиций, выраженных в «Идее морали». Ключевую роль в этих переменах сыграли исследования Р. Г. Апресяна в области генеалогии морали, этики ненасилия, этики войны, философии любви, социальной этики, исследования по проблемам допустимости лжи, признания, моральной императивности, моральной универсальности и т. д. При том, что некоторые из этих исследований прямо фокусировались на отдельных проблемах (например, морального субъекта, автономии, социальности, дружбы), в целом они так или иначе опосредовались историко-философскими разработками. Свои теоретические новации Р. Г. Апресян представил в концентрированном виде в статье «Смысл морали» [Апресян, 2014в], а затем развернуто и систематически в книге «Этика», изданной в формате учебника [Апресян, 2017].

В 2010-х гг. Р. Г. Апресян возвращается к исследованиям истории моральной философии Нового времени, именно в тот период, по его мнению, в философии складывается обобщенное теоретическое понятие морали. В 2014 г. Р. Г. Апресян публикует книгу, посвященную этике Нового времени [Апресян, 2014а]. Приблизительно в это же время и позже выходят его статьи, посвященные понятиям, выражающим тот или иной аспект морали, а также идеям, которые оформляются в эпоху раннего Нового времени и становятся основополагающими для последующего развития моральной философии [Апресян, 2012, с. 73–103; Апресян, 2013б; Апресян, 2019] (в том числе программная статья «К вопросу о концептуализации морали в ранненововой философии» [Апресян, 2018а, с. 43]).

Интерес Р. Г. Апресяна к морально-философскому наследию не является сугубо историческим. На материале учений ранненововой философии он «прорабатывает» собственную концепцию морали, обнаруживая в них те смыслы, которые при сугубо историко-философском взгляде могли остаться скрытыми. Например, в исследовании трактата Шафтсбери «Солилоквия, или Совет автору» Р. Г. Апресяна прежде всего интересует теоретическая проблематика, связанная с «устройством морального субъекта», а также с определением «факторов и составляющих процесса его становления и актуализации» [Апресян, 2013б, с. 152]. Важным в мысли Шафтсбери для Р. Г. Апресяна оказывается осознание неоднозначности этого процесса: с одной стороны, Шафтсбери показывает, что личность самоопределяется «лишь благодаря развитому самосознанию, адекватному самопониманию, критической саморефлексии, изменению себя». Однако, с другой стороны, он понимает, что это невозможно вне опыта общения с другими людьми, без осмысления и интериоризации этого опыта, без приобщения человека к культуре [Апресян, 2013б, с. 152]. Без внешнего опыта, который в конечном итоге выражает включенность моральной личности в культуру, оказывается невозможным ни опыт внутренний, ни осуществление личностью себя в качестве добродетельной.

Исследуя понятие морального чувства Френсиса Хатчесона, Р. Г. Апресян представляет это понятие как «репрезентанта морального сознания в целом» — как способность «восприятия и оценки, независимой от соображений о частном благе» [Апресян, 2015б, с. 190]. В этом качестве моральное чувство противопоставляется любым внешним факторам, которые ориентируют человека на достижение личного блага. К таким факторам Хатчесон относил разум и социальные факторы поведения — обычай, образование, религию, привычку и др. Заслугу Хатчесона Р. Г. Апресян видит в подробном описании внешних факторов, ограничивающих самостоятельность моральной личности, а также в том, что, обосновывая независимость моральной личности в ее суждениях и мотивах, Хатчесон проясняет специфику морали, демонстрирует один из способов ее концептуализации, что крайне важно в перспективе осмысления процесса формирования понятия морали. Р. Г. Апресян обращает внимание еще и на тот существенный момент, что Хатчесон стремился продемонстрировать соотнесенность моральности человека с реальностью человеческого общения, общественных отношений. И если религия, образование, обычай и пр. представляют собой формы неизбежной «общественной ангажированности человека», то мораль оказывается актуальной именно в силу этой ангажированности как «средство обретения и сохранения независимости индивида, как условие свободы личности [Апресян, 2015б, с. 190]. Р. Г. Апресян показал, что, обосновывая независимость морального чувства, Хатчесон по-своему выражает идею автономии личности, которая, в отличие от концепции автономии воли Иммануила Канта, сконструированной несколько десятилетий спустя, апеллировала не к достоверностям чистого разума, а опиралась на очевидность морального опыта [Апресян, 2015б, с. 192]. Не соглашаясь с точкой зрения, согласно которой концепция моральной автономии была *изобретена* Кантом [Schneewind, 1998, p. 3], опираясь на различные источники и исследования, Р. Г. Апресян показал, что в идее автономии укоренена вся западная мысль. Она обнаруживается в представлениях о необходимой независимости, неподотчетности, самостоятельности моральных агентов в их решениях и поступках. Разумеется, идея автономии не могла не проявиться в теоретических усилиях тех мыслителей, которые стремились выделить принципиальные особенности морали (в частности Джозеф Батлер, Шафтсбери, Френсис Хатчесон, Жан-Жак Руссо и др). Заслугу же Канта Р. Г. Апресян видит в концептуализации автономии и акцентировании автономии как одной из специфических характеристик морали [Апресян, 2014а, с. 16–22]. Однако между пониманием автономии Канта и идеей автономии в докантовой моральной философии, по его убеждению, не существует разрыва. Напротив, он обращает внимание на «идейный континуум» идеи автономии. Этот континуум задается, с одной стороны, идеей освобождения от внешнего воздействия, достижения независимости и самостоятельности, а с другой — «идеей предупреждения самостоятельности от произвола, связанности ее дополнительным нормативным содержанием», благодаря которому обеспечивается универсальное самоопределение морального агента [Апресян, 2014а, с. 29].

В исследовании Р. Г. Апресяном процесса формирования понятия морали особое место занимает этическая концепция Дэвида Юма, поскольку в учении Юма представлено целостное учение о морали. В отличие от Хатчесона, который, обсуждая предметную область морали, говорил о моральном чувстве и благожелательности, Юм говорил «о морали вообще» и использовал термин «мораль» для обозначения круга тех явлений, которые составляют предметную область морали. Обобщая понимание Юмом морали, Р. Г. Апресян

выражает его на современном языке как «такую индивидуальную, коммуникативную и социальную практику, которая обеспечивает приоритет общих/общественных интересов над частными/личными» [Апресян, 2014а, с. 99]. Р. Г. Апресян также обращает внимание на то, что своеобразие учения Юма о морали на фоне других нововременных учений проявляется, в частности, в индифферентности Юма к феномену автономии. Кроме того, хотя Юм, несомненно, интересовался достоинством человека и способами его утверждения, более существенно и актуально для него поддержание примиренности между людьми. В этом своем качестве Юм — «один из немногих моральных философов, для которых мораль обнаруживается во взаимодействии между людьми» [Апресян, 2014а, с. 100]. В содержательно-нормативном плане, как показывает Р. Г. Апресян, Юм рассуждал о морали и моральных отношениях, которые представлялись ему как отношения «партнерства, взаимодополнительности, обоюдности, взаиморасположения» по логике Золотого правила, хотя и не артикулировал его.

Историко-этические штудии стали для Р. Г. Апресяна основанием для построения обобщенного образа моральной философии раннего Нового времени, нацеленной на осмысление феномена морали как такового. Р. Г. Апресян исследует ключевые особенности ранненовременной моральной философии сквозь призму фундаментального, как он считает, изменения, которое она переживает, а именно — нарастания оппозиционности в отношении теонормного понимания морали. В результате менялся взгляд на источник и характер императивной силы моральных представлений, на условия возможности морали, на природу моральной способности. Постепенный отказ от рассмотрения божественной воли и божественных санкций в качестве единственно возможного источника морали сопровождался в моральной философии разносторонней проблематизацией возможных истоков, условий и критериев морали. Так, источник моральной императивности связывался нововременными мыслителями с природой, разумом, общительностью, естественными потребностями, просвещенным личным интересом. Условия возможности морали усматривались в устройстве мира, природе человека, социальном порядке, воспитании, самосовершенствовании. В качестве моральной способности назывались разум, чувство, совесть. В разнообразии проблематизаций постепенно выкристаллизовывалось философское понятие морали. Оно формировалось в процессе преодоления синкретизма ценностно-нормативного сознания через выявление своеобразие морали по отношению к другим факторам, влияющим на суждения, решения, оценки и поведение человека. Р. Г. Апресян показал, каким образом происходила «репредметизация» моральной философии: ее исследовательский интерес переключался на природу моральных представлений, способы их восприятия, вменения и воплощения на практике [Апресян, 2018а, с. 35–46].

Генеалогия морали

Одна из приоритетных тем в исследованиях Р. Г. Апресяна на протяжении более чем двадцати лет — тема Золотого правила. Ее освоением он был обязан пионерским для русскоязычной этики работам А. А. Гусейнова. Как отмечал потом Р. Г. Апресян, идея Золотого правила оказалась для него одним из основных факторов (наряду с эволюционной этикой и теориями морального чувства XVIII в.), повлиявших на его невосприимчивость к историко-материалистической теории морали [Беседа, 2013, с. 24–25]. А. А. Гусейнов считал, что Золотое правило исторически преодолеvalo правило равного воздаяния —

Талион, и видел в такой смене нормативных приоритетов кардинальный этап в становлении морального типа мышления и по сути морали как таковой. Р. Г. Апресян какое-то время следовал этому подходу, а затем стал рассматривать нормативный контекст Золотого правила шире — соотнося его не только с Талионом, но и с Заповедью любви, а также правилом благодарности, принципом благоразумия и, наконец, принципом взаимности как своего рода зонтичным принципом, вмещающим в себя все названные принципы. В ходе сравнительного анализа нормативного содержания Талиона, Заповеди любви и Золотого правила Р. Г. Апресян обнаружил имеющуюся между ними нормативную непрерывность. Особенно неожиданной оказалась его нормативно-логическая реконструкция внутренней трансформации Талиона (как и правила благодарности) в Золотое правило. Органично связав Золотое правило и Талион, Р. Г. Апресян иначе, чем А. А. Гусейнов (а до него немецкие исследователи, например, Альфред Диле и Ганс Райнер), представил отношения между этими принципами, указав на то, что их нельзя считать абсолютно антиномичными. Однако тогда он еще придерживался той схемы генезиса моральных форм, согласно которой Талион исторически предшествует Золотому правилу.

Между тем, обращение к широкому кругу историко-культурных данных, касающихся Золотого правила в его различных формах, в том числе таких, которые воспринимались Р. Г. Апресяном как дегенеративные и девиантные, побудило его более свободно взглянуть на Золотое правило. В том, что казалось ему сначала дегенеративным, он увидел коммуникативно и нормативно *неразвитые* формы Золотого правила, или его протоформы. Отталкиваясь от этой интуиции, он сделал предположение о нормативной эволюции Золотого правила и попытался ее реконструировать.

Импульсом для трансформации взгляда на Золотое правило стало исследование Р. Г. Апресяном «Повести об Ахикаре» — небольшого по объему произведения, одного из шедевров древнеассирийской литературы. В одном из поздних вариантов «Повести об Ахикаре» присутствует формула Золотого правила, что очевидно было результатом «творческой вольности переписчика». В наиболее раннем списке повести, датированном V в. до н. э., формулы правила нет, но в ней встречаются две линии повествования, в которых за действиями персонажей и сопровождающими эти действия высказываниями определенно прочитывается Золотое правило — как в положительной, так и в отрицательной его версиях. Чтобы вычитать предполагаемое содержание Золотого правила там, где оно в качестве правила не сформулировано, нужно читать с умом, то есть имея концептуальное представление о Золотом правиле, исходя из него. Соответствующая концепция конструируется Р. Г. Апресяном на основе этического анализа формулы Золотого правила и с учетом богатой традиции осмысления и критической рационализации Золотого правила, тем более что исследовательская литература по Золотому правилу в XX в., в особенности начиная со второй его половины, переживает небывалый расцвет. Р. Г. Апресян выделяет ряд признаков Золотого правила, характеризующих его содержание, — то, на какие действия оно направлено и каким должен быть в своих поступках деятель (этот ряд признаков постепенно расширяется [Апресян, 2021]). Среди основных характеристик — инициативность, взаимность (как правило, только мыслимая), благожелательность поступка, самостоятельность и рефлексивность деятеля, преодолевающего свою эгоцентричность. Этот комплекс характеристик складывается и нормативно оформляется постепенно. Генезис Золотого правила Р. Г. Апресян прослеживает по степени определенности мотивации

поступков, их рефлексивности и нормативного обобщения, по тому, насколько они соответствуют развитым формам Золотого правила — от невербализованного ситуативно-коммуникативного опыта благожелательной взаимности к универсальному нормативному обобщению этого опыта в негативной, а затем и позитивной формуле Золотого правила. Это движение отслеживается по древним текстам и обнаруживается в описании сначала благоразумного и подходящего поведения в отдельной конфликтной ситуации, далее в описании подходящего и достойного поведения в ситуациях такого рода, и, наконец, вообще должного поведения в отношениях между людьми.

Поначалу Р. Г. Апресян выстраивал генеалогию Золотого правила на основе примеров, подобранных из литературных источников разных культур, отмечая при этом, насколько интересно было бы проследить становление Золотого правила в рамках отдельных культурных традиций. В последней по времени статье, посвященной проблеме происхождения моральных норм, Р. Г. Апресяну это удалось: полный цикл генезиса Золотого правила он представляет исключительно на материале текстов Библии — от Книги Бытия до Евангелия от Матфея [Апресян, 2022, с. 73–74].

Разработав этико-генеалогический метод и определив его как «метод концептуальной экспликации рудиментарного нормативного содержания» [Апресян, 2011а, с. 23], Р. Г. Апресян считает его универсальным для изучения генезиса любых моральных норм. До сегодняшнего времени потенциал этого метода для изучения генезиса других моральных норм пока не был реализован в полной мере. Исключением можно считать набросок такой генеалогии, кратко представленный им в применении к Талиону [Беседа, 2013, с. 38].

От моральных принципов к человеку

Расширение Р. Г. Апресяном нормативного контекста Золотого правила и реконструкция его генезиса, будучи новационными на фоне известных работ по Золотому правилу, в целом оставались в их русле. В разработке же проблемы Талиона, не сопоставимой по масштабу с его исследованиями Золотого правила, был совершен радикальный поворот, который он сам обозначил словами «этическая реабилитация Талиона» [Апресян, 2001, с. 81–84]. Эта реабилитация состояла в рассмотрении Талиона не как предшествующего морали нормативного феномена (традиция такой трактовки Талиона идет из раннего христианства), а как неотъемлемого ее элемента. Ключевым аргументом в пользу этого было выделение в Талионе функции ограничения зла. В литературе Талион ассоциируется с принципом кровной мести, что справедливо, но при этом Талион смешивается с кровной мездью, и разнице между ними не всегда придается должное значение. Как и принцип кровной мести, Талион требует на причиненное зло отвечать злом, но, в отличие от принципа кровной мести, Талион требует при реакции на действия злодея не превышать меру причиненного вреда. И именно это, по убеждению Р. Г. Апресяна, есть основание для рассмотрения Талиона в качестве специфически морального принципа. Такой взгляд вытекает из понимания морали как суммы ценностей, которые ориентируют человека, как минимум, на ограничение зла всеми возможными способами, а в конечном итоге — на его пресечение.

Хотя исторически, как можно судить, например, по священным текстам христианства или ислама, прослеживается тенденция смягчения в ответе на совершение зла [Апресян, 2004], это нисколько не отменяет того факта, что в любой системе морали сохраняется необходимость противостояния злу. Она не может не выражаться в действиях, которые

воспринимаются теми, против кого они направлены, как зло, однако их действительный этический и социальный смысл заключается в поддержании порядка в отношениях между людьми в обществе. Таким образом, нормативная значимость Талиона определяется тем, что он требует противодействия злу. Талион предстает как «последняя возможность сохранения человечности в непригодных для человечности обстоятельствах подобных тем, что передаются нормативной моделью “войны всех против всех”» [Апресян, 2001, с. 83]. Важно при этом подчеркнуть, что поступки, направленные на противодействие злу, считаются этически легитимными только тогда, когда они соответствуют по своему нормативному и прагматическому содержанию цели.

За этической реабилитацией Талиона стоит четкое осознание того, что человек наиболее остро нуждается в этике, соответствующей условиям неидеального мира, в котором живет. Мораль востребована не только в ситуациях, когда человек имеет возможность совершать, выражаясь языком Аристотеля, произвольные и преднамеренные поступки, но и в ситуациях, когда свобода выбора жестко ограничена, и человеку приходится принимать такие решения, которые бы он никогда не принял в обычных условиях. Р. Г. Апресян акцентировал исключительность ситуаций, в которых поступки по логике Талиона являются единственно приемлемыми именно с моральной точки зрения: к этике Талиона следует переходить лишь когда все возможности исчерпаны, когда реактивное действие уже не может полагаться ни на этику любви, ни на этику прав и обязанностей [Апресян, 2001, с. 84].

Изменение точки зрения на Талион и на роль этого принципа (который может выражаться по-разному) для морали произошло в результате освоения Р. Г. Апресяном традиции теории справедливой войны [Беседа, 2013, с. 32–34]. Теория справедливой войны нередко воспринимается превратно — как теория, посредством которой война будто бы оправдывается путем приписывания ей неких моральных смыслов. Критики теории справедливой войны предпочитают не замечать ее давние, восходящие к античной мысли, традиции, получившие систематическое концептуальное оформление в трудах выдающихся философов и правоведов Нового времени, ее роль в активации антивоенного движения в 1960–1970-е годы, в частности, в протестах против войны во Вьетнаме. Но они также игнорируют принципиальные исходные позиции представителей теоретиков справедливой войны, а именно: смысл теории справедливой войны в том, чтобы в мире, в котором сохраняется неизбежность применения вооруженной силы при решении международных конфликтов, соответствующие решения и действия определялись по строгим моральным основаниям. Выраженные на языке этики, принципы справедливой войны предоставляют общественности нормативный язык, на котором можно говорить о решениях политиков относительно применения вооруженной силы и действий военных, эти решения реализующих.

Анализируя принципы справедливой войны, Р. Г. Апресян обратил внимание на нормативное родство между ними и Талионом. Отталкиваясь от этого, он смог более четко представить Талион как правило действия, ценностно обоснованного по целям и средствам, предметно сфокусированного, пропорционального и необходимого для поддержания существующего порядка. Талион, таким образом, с его общей формулой был переосмыслен как метанормативное основание принципов справедливой войны [Апресян, 2002]. И это дополнительно подтверждает актуальность того нормативного содержания, которое он в себе несет.

С признанием этической значимости Талиона и, соответственно, более широкого этического контекста теории справедливой войны связана трансформация точки зрения Р. Г. Апресяна на принцип ненасилия и его место в морали. Активно включившись с конца 1980-х годов в теоретические и этико-прикладные разработки принципа ненасилия, Р. Г. Апресян представлял себе принцип ненасилия как своего рода практическую конкретизацию Заповеди любви, особенно в социально-политической сфере. Изучение опыта ненасилия (использования ненасильственных техник в политической борьбе) привело его к пониманию политической и этической условности ненасилия как принципа действия и программы политических действий. Одним из следствий этого понимания был вывод о неполноте этики, основанной на принципе ненасилия, если рассматривать ненасилие как непричинение другому вреда и нарушение его прав [Апресян, 2010, с. 149]. Противостояние злу, в чем Р. Г. Апресян видит первейшую и безусловную нравственную задачу человека, невозможно при абсолютной приверженности принципу ненасилия. Даже ранняя христианская этика в той мере, в какой она, помимо проповеди и деяний Христа, подразумевает и божественное «Мне отмщение, Аз воздам», не может обойтись без принципа возмездия [Апресян, 2006, с. 75], пусть он в эсхатологической перспективе и был выведен за рамки компетенции человека.

Так что получается, что евангельская формула «Не противься злему» отнюдь не абсолютна. У нее есть более широкий нормативный контекст — как внутри христианской этики, так и внутри морали как таковой. Этот контекст ограничивает ее «безапелляционное» применение и определяется ответственностью за положение другого человека. Применение силы в соответствующей обстоятельствам форме оказывается оправданным при противостоянии агрессии и сопротивлению злу, тем более злу дерзкому и воинственному.

К этому направлению исследований примыкает критический анализ Р. Г. Апресяном рассуждения Иммануила Канта относительно принципа правдивости. В центре известного кантовского эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» — ситуация выбора, в которой оказался человек, который спрятал в своем доме друга от преследующего его убийцы, вскоре появляющегося на пороге дома с требовательным вопросом: не здесь ли скрылся тот, кого он ищет. Кант, отстаивающий абсолютность принципа «Не лги», был убежден в том, что нравственный долг человека перед самим собой и перед всем человечеством в его лице повелевает ответить на вопрос убийцы правдиво. Р. Г. Апресян определенно не принимает такую позицию и при этом решительно дистанцируется как по отношению к самому Канту, так и по отношению к тем кантоведам, которые пытаются объяснить такой вердикт Канта в контексте его величественной философии и тем самым в конечном счете оправдать его. Неприятие кантовской интерпретации этой ситуации было лаконично выражено Р. Г. Апресяном в нескольких положениях. Во-первых, Кант сосредоточился в своем обсуждении нравственного выбора домохозяина на его обязанностях перед убийцей и был готов увидеть в этих обязанностях частный случай нравственных обязанностей перед человечеством, и это при том, что при отсутствии между людьми реальных отношений обязанности между ними абстрактны, потенциальны, тем более вряд ли можно говорить о позитивных обязанностях домохозяина по отношению к незнакомцу, о котором известно, что он убийца. Это условие определенно задал сам Кант. Во-вторых, в отличие от убийцы, с которым у домохозяина нет никаких отношений, с человеком, которому предоставлено убежище, домохозяина связывают, по условиям кантовского сюжета, отношения дружбы.

Эту сторону ситуации Кант не затрагивает в своем обсуждении и не принимает ее во внимание. А ведь правдивостью перед убийцей домохозяин, по воле Канта, нарушил бы свои обязанности в отношении друга, причем двойные — обязанности дружбы и обязанности гостеприимства. По Канту получается, что абстрактные обязанности перед незнакомцем, который к тому же убийца, актуальнее обязанности перед другом, который к тому же находится в смертельной опасности. В-третьих, даже если представить, что у домохозяина по отношению к незнакомцу есть обязанность, получается, что правдивость по отношению к убийце важнее верности по отношению к другу, которому предоставлено убежище. В-четвертых, с нормативно-этической точки зрения, кантовский подход означает, что принцип правдивости признается более актуальным, чем принцип невреждения, при том, что несообщением правды убийце домохозяин никому не причиняет вреда, между тем как в обратном случае другу может быть причинен явный, скорее всего необратимый вред [О праве лгать, 2011, с. 11].

Доклад Р. Г. Апресяна, посвященный кантовскому эссе, вызвал настолько живую полемику, что она вышла за рамки теоретического семинара, на котором доклад был представлен. Расширяющиеся по составу и объему материалы этой дискуссии публиковались в журналах «Человек» (2008), «Логос» (2008), *Russian Studies of Philosophy* (2010), в сборнике «О праве лгать» (2011), а спустя несколько лет отклики на нее — в журнале «Этическая мысль» (2015). По мнению Н. В. Мотрошиловой, эта дискуссия, продемонстрировавшая актуальность философии Канта для обсуждения и понимания этических проблем нашего времени, стала наиболее ярким событием в российском кантоведении 2000-х годов [Мотрошилова, 2014, с. 954–956, 965–967].

В ходе анализа проблемы, поставленной Кантом, Р. Г. Апресян пришел к некоторым концептуальным выводам, относящимся к общему пониманию морали. Суть этого понимания состояла в отказе от кантовского этического априоризма, от рассмотрения морали на уровне ее «основоположений», «условий возможности». Дискуссия по кантовскому сюжету с домохозяином, оказавшимся между другом и злоумышленником, определила поворот Р. Г. Апресяна к моральным ценностям как ориентирам действий в конкретной ситуации, к обязанностям, которые актуализируются в данной ситуации в отношении вовлеченных в нее людей, нередко разных и разностью своей вызывающих конфликт обязанностей [О праве лгать, 2011, с. 215–218]. Так что каждая коммуникативная ситуация оказывается ситуацией выбора, который определяется на основе тех или иных ценностей приоритетом наиболее уместных в данный момент обязанностей. Осуществляя выбор, личность самоопределяется в качестве морального агента.

Разнородность морали

В начале 1990-х годов Р. Г. Апресян, развивая некоторые психологические идеи, выступил с концепцией формирования у индивида моральной чувствительности на основе его изначального, младенческого коммуникативного опыта, а именно, опыта направленной на младенца заботы со стороны Другого — матери, родителей или тех, кто их заменяет, и последующего обращения этого опыта путем переноса фокуса внимания с себя на Другого [Апресян, 1993; Беседа, 2013, с. 27–29]. Как таковая эта концепция не получила развития, но переключки с ней, прямые или косвенные, можно расслышать в разработке Р. Г. Апресяном других этических проблем, например, милосердной любви — агапе [Апресян, 2015a] или,

особенно явно, — коммуникативных источников морального долженствования [Апресян, 2011б].

Обсуждая источники моральной императивности, Р. Г. Апресян различает несколько возможных подходов к этому вопросу. В силу сложившейся в советском обществоведении традиции наиболее заметным может показаться социально-центрированный подход, при котором моральная императивность рассматривается как форма выражения авторитета общества в лице его отдельных групп и институтов. С этим подходом конкурируют культуро-центрированный и лично-центрированный подходы (выводящие моральную императивность соответственно из обобщенного опыта человечества, закрепленного в культуре, и из разумного выбора самоопределяющейся личности), а со всеми этими подходами — трансцендентный подход (при котором императивность морали выводится из могущества Бога или влияния космических, природно-биологических сил) [Апресян, 2017, с. 130]. Р. Г. Апресян признает, что в каждом из этих подходов присутствуют элементы рациональности, даже в последнем в той мере, в какой в нем подчеркивается трансцендентность моральных ценностей — их надситуативность, надперсональность, надмирность. Как указывающие на действительно важные факторы моральной императивности, эти подходы являются взаимно дополнительными. Но ни один из них, по мнению Р. Г. Апресяна, не проясняет механизмов императивности, поскольку не принимает в расчет того, что в действительности «моральные ценности и соответствующие им требования актуализируются в живом коммуникативном пространстве, в реальном общении» [Там же, с. 137].

Поддержку в понимании этого Р. Г. Апресян находит, как ни странно, у Локка, который, рассуждая о том, что он называл «моральными законами», выделял, наряду с божественным и гражданским законом, «закон общественного мнения», или репутации, который способен воздействовать на поведение людей благодаря тому, что они в процессе постоянного взаимодействия высказывают друг по отношению к другу оценки (на этой основе и складываются представления о добродетели и пороке). Нельзя не заметить, что в трактовке локковского закона репутации Р. Г. Апресян смещает акценты в соответствии со своим исследовательским интересом. В современной литературе эту концепцию Локка если и вспоминают, то в связи с изучением именно общественного мнения, манипулирования сознанием и даже маркетингом и рекламой. Видя основания для такой интерпретации, Р. Г. Апресян выделяет другое, а именно, роль непосредственного взаимодействия между людьми как фактора регуляции поведения. И уже отталкиваясь от этого, он говорит о моральной регуляции не как социальной регуляции, то есть регуляции, осуществляемой посредством социальных институтов, а как о взаимной регуляции, о саморегуляции людей. Они обращаются друг к другу, не только высказывая оценки, но и делаясь впечатлениями, ожиданиями, надеждами, апеллируя к известному опыту, к ценностям и принципам.

По-видимому, имея в виду во многом именно взаимный, интересубъектный, коммуникативно опосредованный характер моральной регуляции, Р. Г. Апресян довольно дифференцированно типологизирует моральные требования, предлагая различать (а) принципы, нормы и правила, (б) образцы и идеалы, (в) пожелания, просьбы и мольбы, (г) рекомендации, советы, приказания, адресно высказываемые ожидания и предостережения, (д) сентенции [Апресян, 2018в, с. 33–36]. Эти нормативные формы различны по степени обобщенности, силе императивности, способу санкционирования

(когда такая возможность вообще предполагается), и через это различие проступает многообразие нормативного морального опыта.

Вообще говоря, разделение (под разными названиями) социальной этики и этики личности довольно распространено в моральной философии. Разбирая нововременные этические учения, Р. Г. Апресян выделил в качестве одной из присущих им центральных линий различие, с одной стороны, общественной морали, а с другой — морали как пути личного совершенствования, что соответствовало пониманию человека, с одной стороны, как общественного индивида, а с другой — стремящейся к совершенству личности» [Апресян, 2003, с. 555].

Сам Р. Г. Апресян в большинстве своих работ развивает по преимуществу этику личности. Но при этом он не упускает из вида перспективу общественной морали. В 2006 году он выступил со статьей, посвященной понятию общественной морали, которой инициировал интересное обсуждение. В результате был опубликован сборник статей, посвященных собственно концепции общественной морали, различным особенностям общественной морали, прикладным социально-этическим проблемам и нескольким случаям из социально-нравственного опыта. По каким-то высказываниям Р. Г. Апресяна в ходе дискуссии можно сделать вывод, что на уровне гипотезы он предполагал различить подсистемы морали — индивидуальную и общественную; кажется, исходя из этого он выделил характеристики функционирования моральных ценностей на уровне личности, межличностного взаимодействия и на уровне общества, социальных отношений. Однако при этом он придерживался мнения, что как на уровне индивидуальной, так и на уровне общественной морали действуют одни и те же ценности. Затем оказывается, что и на уровне общественной морали ценности реализуются в конечном счете через решения и действия личности, выступающей не в качестве частного лица, а в качестве члена социальной группы, и ее действия опосредованы функционированием социальных институтов. В конечном счете, когда Р. Г. Апресян переходит к перечислению параметров общественной морали (стабильность общества, открытость публичной сферы, правовая и социальная защищенность индивидуальной активности, справедливость в распределении социальных благ, режим согласования общего и частного интересов) [Общественная мораль, 2009, с. 31–33], возникает впечатление, что, пытаясь субстанциализировать общественную мораль, Р. Г. Апресян начинает обсуждать другой вопрос, теоретически не менее, а может быть даже более важный — о социальных условиях практической реализации моральных ценностей. Однако если это так, то проблема различения индивидуальной и общественной морали снимается.

Обращение Р. Г. Апресяна несколько лет спустя к вопросу о коммуникативных источниках морального должностования (о чем речь шла выше) подтверждает это предположение. Человек самоопределяется в качестве морального агента, реализуя в своих решениях и действиях, в отношениях с другими людьми моральные ценности (невреждения, солидарности, заботы). Хотя это самоопределение возможно и вопреки обстоятельствам, его эффективность зависит от благоприятных общественных условий. Но наиболее плодотворным оно оказывается во взаимодействии Я и Ты, в процессе интерактивной коммуникации (иногда, как подчеркивается, всего лишь воображаемо или потенциально интерактивной) [Апресян, 2017, с. 141, 143]. В этике процесс коммуникации может рассматриваться в разных перспективах — в перспективе Я, или морального агента,

в перспективе Ты, или реципиента, а также в перспективе незаинтересованного наблюдателя. Это различие, в особенности различие агента и реципиента в моральной коммуникации, становится особенно актуальным при анализе действий, не предполагающих обоюдности, например, в благодеянии, заботе, возложении на другого ответственности или взятия ответственности на себя и т. д.

Таким образом, картина морали у Р. Г. Апресяна предстает сложной и многосоставной. Эта сложность, считает он, должна учитываться в этическом исследовании ради полноты осмысления морали и ради целостности в отображении различных сторон неоднородного морального опыта.

Этика в пространстве междисциплинарности

В дискуссиях о статусе философской этики, ее отношениях с нормативной этикой и прикладной этикой [Философская этика, 2012, с. 52–60; Нравственная философия, 2019, с. 26–27] Р. Г. Апресян неизменно выступает за единство и, более того, необходимую взаимодополнительность этих разных предметных областей этики. Принцип единства философской, нормативной и прикладной этики был взят им за основу при систематическом изложении этики [Апресян, 2017].

Несамодостаточность философской этики Р. Г. Апресян отмечает не только в отношениях с прикладной этикой и нормативной этикой, но и с другими социальными и гуманитарными науками, и считает, что без них невозможно ее плодотворное развитие [Апресян, 2017, с. 33]. Однако именно в его устах это утверждение звучит несколько парадоксально. С одной стороны, он отмечает постоянно растущий интерес к моральным явлениям в различных конкретных науках, считает, что именно в них решаются задачи дескриптивного изучения морали, и поэтому ратует за более тесное взаимодействие между философией и конкретными науками в изучении морали. А с другой — обращаясь к результатам изучения морали, например, в эволюционной биологии, психологии, нейрологии, когнитивной науке, он неизменно подвергает эти результаты критике, с позиций моральной философии. Р. Г. Апресян нередко называет себя как бы в шутку «дежурным по этике», но, кажется, на полном серьезе «ведет дозор», готовый к отстаиванию концептуальной строгости и последовательности в толкованиях морали, на какой бы площадке они ни проходили. Призывая к междисциплинарному взаимодействию и демонстрируя инициативные шаги к нему, он из раза в раз начинает с критики частнонаучных представлений о морали и не принимает от ученых разъяснений со ссылками на то, что они оперируют теми понятиями, которые отвечают задачам их исследования.

Основные критические аргументы были сформулированы Р. Г. Апресяном при разборе эволюционно-этических (социобиологических) концепций морали как альтруистического поведения [Апресян, 1995; Апресян, 2017]. Мораль во многих частнонаучных теориях рассматривается как инструмент адаптивного поведения. Мораль, разумеется, является одним из социокультурных механизмов адаптации, но ученые, будь то биологи, психологи или представители когнитивной науки, не придают значения тому факту, что функция адаптации отнюдь не специфична для морали. Например, подражание, обучение, использование орудий, творчество — все это весьма эффективные средства адаптации. Мораль же актуализирует, условно говоря, «второй» план адаптивного поведения — его субъективный смысл для морального деятеля, соотнесение его собственных адаптивных

усилий с адаптивным поведением других людей, причем характер этого соотношения зависит от того, опосредовано ли оно кооперацией или конкуренцией. Аналогично и при рассмотрении морали как формы коммуникации и взаимодействия представители частнонаучных теорий не всегда, считает Р. Г. Апресян, готовы рассматривать морально санкционированные взаимоотношения, в отличие от семейно-родственных, партнерских, корпоративных и т. п. отношений, или, фиксируя антиэгоистичность моральных мотивов, не всегда готовы видеть в антиэгоистичности не только бескорыстие, но и противостояние тщеславию или сладострастию. Далее, в частнонаучных теориях не принимается во внимание культура как важнейший идеальный фактор человеческого поведения, а именно, ценности, нормы, традиции. Ориентируясь на них и реализуя их в своем поведении, человек лично самоопределяется и подтверждает свою идентичность в качестве члена идеального (порой даже только воображаемого) нормативного сообщества. Наконец, почти никогда в частных науках мораль не рассматривается как особый способ отношения человека к самому себе и к высшим ценностям, а в пределе — его обращенности на идеал совершенства. Как показывает Р. Г. Апресян, мораль трактуется учеными односторонне, без учета ее феноменологического и функционального разнообразия, без понимания ее внутренней гетерогенности [Апресян, 2017, с. 56–59]. При этом Р. Г. Апресян признает, что частнонаучное изучение моральных явлений может быть полезным для философской этики по ряду мотивов. Главное здесь то, что моральные способности, качества и факты рассматриваются учеными в более широком предметном контексте, и благодаря этому они «наполняются жизнью», предстают частью жизненного опыта во всей его целостности и полноте, позволяют конкретизировать абстрактные философские идеи, что, в свою очередь, приближает моральную философию к прикладной этике. Признавая таким образом потенциальную значимость научных исследований морали, Р. Г. Апресян продолжает питать надежды на углубление взаимопонимания между философами и учеными и появление продуктивных междисциплинарных исследовательских инициатив.

Философская теория морали Р. Г. Апресяна внутренне динамична, она постоянно обновляется, трансформируется, однако суть ее остается неизменной. Мораль в этой теории возвышает человека, наполняет его жизнь универсальным смыслом, но в то же время остается соразмерной ему: она неотделима от культуры, от социального и коммуникативного опыта человека и отвечает его фундаментальным потребностям. Человек в рамках этой теории понимается не как абстрактный изолированный от других самодостаточный субъект, а как «посюстороннее» — живое, ранимое, заинтересованное, глубинно связанное с другими людьми, включенное в разного рода сообщества, устремленное к возвышенному идеалу — существо. Энергия такого устремления обеспечивается моралью как направляющей силой решений и поступков человека, ориентирующей его на преодоление вражды, обособленности, утверждение согласия и примиренности в разнообразных отношениях с другими.

Литература

1. Апресян Р. Г. «Мне отмщение, Аз воздам»: О нормативных контекстах и ассоциациях заповеди «Не противься злему» // Этическая мысль / Ethical Thought. — 2006. № 7. — С. 59–78.
2. Апресян Р. Г. «Солилоквия» Шафтсбери: устройство морального субъекта // Этическая мысль / Ethical Thought. — 2013б. Вып. 13. — С. 151–174.
3. Апресян Р. Г. Агапэ // Человек. — 2015а. № 2. — С. 42–56; № 3. — С. 26–39.
4. Апресян Р. Г. Европа: Новое время // История этических учений / Под общ. ред. А. А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2003. — С. 552–572.
5. Апресян Р. Г. Закон талиона в развитии культуры (Очерк тенденций) // Человек. Наука. Цивилизация: К 70-летию академика РАН В. С. Степина / Под ред. И. Т. Касавина. — М.: Канон+, 2004. — С. 789–799.
6. Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. — М.: Институт философии РАН, 1995. — 207 с.
7. Апресян Р. Г. Из истории европейской этики Нового времени (этический сентиментализм). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986а. — 80 с.
8. Апресян Р. Г. Изначальные детерминанты нравственного опыта // Вопросы философии. — 1993. № 8. — С. 32–43.
9. Апресян Р. Г. Истоки морали в архаическом обществе. На материале «Илиады» // Человек. — 2011а. № 3. — С. 21–40.
10. Апресян Р. Г. Историческая и нормативная динамика идеи моральной автономии // Альманах «Дискурсы этики». — 2015. № 9–10. — С. 13–33.
11. Апресян Р. Г. История этики Нового времени. Лекции и статьи. — М.: Direct-Media, 2014а. — 325 с.
12. Апресян Р. Г. К вопросу о концептуализации морали в ранненововековой философии // Вопросы философии. — 2018а. № 11. — С. 35–46.
13. Апресян Р. Г. Комментарии к дискуссии // Логос. — 2008а. № 5. — С. 204–222.
14. Апресян Р. Г. Коммуникативный источник морального должностования // Этическая мысль / Ethical Thought. — 2011б. Вып. 11. — С. 5–29.
15. Апресян Р. Г. Метанормативное содержание принципов справедливой войны // Полис. — 2002. № 3. — С. 385–403.
16. Апресян Р. Г. Нормативно-этический контекст Золотого правила // Техногос. — 2021. № 3. — С. 9–21.
17. Апресян Р. Г. Нравоперемена Ахилла. Истоки морали в архаическом обществе (на материале гомеровского эпоса). — М.: Альфа-М, 2013а. — 223 с.
18. Апресян Р. Г. О праве лгать // Логос. — 2008б. № 5. — С. 4–18.
19. Апресян Р. Г. Первичные детерминанты нравственного опыта // Вопросы философии. — 1993. № 8. — С. 32–64.
20. Апресян Р. Г. Понятие морального чувства в этике Френсиса Хатчесона (ранний период) // Этическая мысль. — 2015б. Т. 15. — С. 170–200.

21. Апресян Р. Г. Понятие общественной морали // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / под ред. Р. Г. Апресяна. — М.: Альфа-М, 2009. — С. 15–35.
22. Апресян Р. Г. Постигание добра. — М.: Мол. гвардия, 1986б. — 207 с.
23. Апресян Р. Г. Природа морали // Философские науки. — 1991. № 12. — С. 53–64.
24. Апресян Р. Г. Проблема автономии в моральной философии Ф. Хатчесона // Философские науки. — 2014б. № 11. — С. 9–18.
25. Апресян Р. Г. Проблема происхождения моральных норм: социально-вычислительный и процессуальный подходы // Вопросы философии. — 2022. № 8. — С. 65–76.
26. Апресян Р. Г. Проблема социальности в моральной философии раннего Нового времени // Философские науки. — 2019. Т. 62 (10). — С. 7–24.
27. Апресян Р. Г. Смысл и содержание морали // Апресян Р. Г., Артемьева О. В., Прокофьев А. В. Феномен моральной императивности. Критические очерки. — М.: ИФ РАН, 2018б. — С. 16–37.
28. Апресян Р. Г. Смысл морали // Мораль. Разнообразие понятий и смыслов: К 75-летию А. А. Гусейнова / Отв. ред. О. П. Зубец. — М.: Альфа-М, 2014в. — С. 35–63.
29. Апресян Р. Г. Смысл морали в этике Дэвида Юма // Этическая мысль / Ethical Thought. — 2012. Вып. 12. — С. 72–103.
30. Апресян Р. Г. Субъект моральной императивности // Апресян Р. Г., Артемьева О. В., Прокофьев А. В. Феномен моральной императивности. Критические очерки. — М.: ИФ РАН, 2018в. — С. 86–114.
31. Апресян Р. Г. Талион и Золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. — 2001. № 3. — С. 72–84.
32. Апресян Р. Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. — 2016. № 8. — С. 79–88.
33. Апресян Р. Г. Этика силы — в противостоянии насилию и агрессии // Вопросы философии. — 2010. № 9. — С. 143–153.
34. Апресян Р. Г. Этика: учебник. — М.: КНОРУС, 2017. — 356 с.
35. Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // Постигая добро: К шестидесятилетию Рубена Грантовича Апресяна: Сб. статей / отв. ред., сост. О. В. Артемьева, А. В. Прокофьев. — М.: Альфа-М, 2013. — С. 24–78.
36. Гусейнов А. А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? // Логос. — 2008. № 5. — С. 103–121.
37. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. — М.: Гардарики, 1998.
38. Идея морали: теория, норма, смысл (Круглый стол редакции журнала «Человек», посвященный обсуждению книги Р. Г. Апресяна) // Человек. — 1997. № 2. — С. 76–88.
39. Мотрошилова Н. В. Рецепция кантовской философии права в России второй половины XIX и XX веков и «Метафизика нравов» Канта // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. V. Ч. 1 / Под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. — М.: Канон+, 2014. — С. 827–970.

40. Нравственная философия и этика // Этическая мысль / Ethical Thought. — 2019. Т. 19. № 2. — С. 5–37.
41. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / под общ. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. — М.: Гардарики, 2002. — 407 с.
42. О праве лгать / Сост., ред. Р. Г. Апресян. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 392 с.
43. Философская этика и ее перспективы в современном мире (Круглый стол к 10-летию ежегодника «Этическая мысль») // Этическая мысль / Ethical Thought. — 2012. Вып. 12. — С. 5–71.
44. Этика: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2001.
45. Schneewind J. The Invention of Autonomy: The History of Modern Moral Philosophy. Cambridge: Cambridge UP, 1998. 650 p.

References

1. Апресян Р. Г. “Evropa: Novoe vremya” [Europe: New time], in: *Istoriya eticheskikh uchenij* [History of ethical teachings], ed. by A. A. Guseynov. Moscow: Gardariki, 2003, pp. 552–572. (In Russian.)
2. Апресян Р. Г. “Ponyatie obshchestvennoj morali” [The concept of public morality], in: *Obshchestvennaya moral': filosofskie, normativno-eticheskie i prikladnye problemy* [Public morality: philosophical, normative-ethical and applied problems], ed. by R. G. Апресян. Moscow: Al'fa-M, 2009, pp. 15–35. (In Russian.)
3. Апресян Р. Г. “Smysl i sodержание morali” [The meaning and content of morality], in: Апресян Р. Г., Артемьева О. В., Прокофьев А. В. *Fenomen moral'noj imperativnosti. Kriticheskie ocherki* [The phenomenon of moral imperative. Critical essays]. Moscow: IF RAN, 2018b, pp. 16–37. (In Russian.)
4. Апресян Р. Г. “Smysl morali” [The meaning of morality], in: *Moral'. Raznoobrazie ponyatij i smyslov: K 75-letiyu A. A. Guseynova* [Morality. Diversity of Concepts and Meanings: To the 75th Anniversary of A. A. Guseynov], ed. by O. P. Zubec. Moscow: Al'fa-M, 2014v, pp. 35–63. (In Russian.)
5. Апресян Р. Г. “Sub"ekt moral'noj imperativnosti” [Subject of moral imperative], in: Апресян Р. Г., Артемьева О. В., Прокофьев А. В. *Fenomen moral'noj imperativnosti. Kriticheskie ocherki* [The phenomenon of moral imperative. Critical essays]. Moscow: IF RAN, 2018v, pp. 86–114. (In Russian.)
6. Апресян Р. Г. “Zakon taliona v razvitii kul'tury (Ocherk tendencij)” [The law of talion in the development of culture (Essay on trends)], in: *CHelovek. Nauka. Civilizaciya: K 70-letiyu akademika RAN V. S. Stepina* [Human. The science. Civilization: On the 70th Anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences V. S. Stepin], ed. by I. T. Kasavin. Moscow: Kanon+, 2004, pp. 789–799. (In Russian.)
7. Апресян Р. Г. «Mne otmshchenie, Az vozdam»: O normativnykh kontekstakh i asociaciyah zapovedi «Ne protiv'sya zlomu» [“Revenge is mine, I will repay”: On the normative

contexts and association of the commandment “Resist not evil”]. *Ethical Thought*, 2006, no. 7, pp. 59–78. (In Russian.)

8. Апресян Р. Г. «Solilokviya» *SHAftsberi: ustroenie moral'nogo sub"ekta* [Shaftesbury's "Soliloquy": The Construction of the Moral Subjectivity]. *Ethical Thought*, 2013b, no. 13, pp. 151–174. (In Russian.)

9. Апресян Р. Г. *Agape* [Agape]. *Chelovek*, 2015a, no. 2, pp. 42–56; no. 3, pp. 26–39. (In Russian.)

10. Апресян Р. Г. *Etika sily — v protivostoyanii nasiliyu i agressii* [Ethics of force — in opposition to violence and aggression]. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 9, pp. 143–153. (In Russian.)

11. Апресян Р. Г. *Etika: uchebnik* [Ethics: textbook]. Moscow: KNORUS, 2017. 356 p. (In Russian.)

12. Апресян Р. Г. *Fenomen universal'nosti v etike: formy konceptualizacii* [The phenomenon of universality in ethics: forms of conceptualization]. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 8, pp. 79–88. (In Russian.)

13. Апресян Р. Г. *Ideya morali i bazovye normativno-eticheskie programmy* [The idea of morality and basic normative and ethical programs]. Moscow: Institut filosofii RAN, 1995. 207 p. (In Russian.)

14. Апресян Р. Г. *Istoki morali v arhaicheskom obshchestve. Na materiale «Iliady»* [The origins of morality in archaic society. Based on the Iliad]. *Chelovek*, 2011a, no. 3, pp. 21–40. (In Russian.)

15. Апресян Р. Г. *Istoricheskaya i normativnaya dinamika idei moral'noj avtonomii* [Historical and Normative Dynamics of the Idea of Moral Autonomy]. Almanac «Diskursy etiki», 2015, no. 9–10, pp. 13–33. (In Russian.)

16. Апресян Р. Г. *Istoriya etiki Novogo vremeni. Lekcii i stat'i* [History of the ethics of modern times. Lectures and articles]. Moscow: Direct-Media, 2014a. 325 p. (In Russian.)

17. Апресян Р. Г. *Iz istorii evropejskoj etiki Novogo vremeni (eticheskij sentimentalizm)* [From the history of European ethics of modern times (ethical sentimentalism)]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1986a. 80 p. (In Russian.)

18. Апресян Р. Г. *Iznachal'nye determinanty npravstvennogo opyta* [Primal Determinants of Moral Experience]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 8, pp. 32–43. (In Russian.)

19. Апресян Р. Г. *K voprosu o konceptualizacii morali v rannenovovremennoj filosofii* [On the question of the conceptualization of morality in early modern philosophy]. *Voprosy filosofii*, 2018a, no. 11, pp. 35–46. (In Russian.)

20. Апресян Р. Г. *Kommentarii k diskussii* [Comments on the discussion]. *Logos*, 2008a, no. 5, pp. 204–222. (In Russian.)

21. Апресян Р. Г. *Kommunikativnyj istochnik moral'nogo dolzhenstvovaniya* [Communicative source of moral duty]. *Ethical Thought*, 2011b, no. 11, pp. 5–29. (In Russian.)

22. Апресян Р. Г. *Metanormativnoe sodержanie principov spravedlivoj vojny* [Metanormative contents of the principles of just war]. *Polis*, 2002, no. 3, pp. 385–403. (In Russian.)

23. Апресян Р. Г. *Normativno-eticheskij kontekst Zolotogo pravila* [The Normative-ethical context of the Golden Rule]. *Tekhnologos*, 2021, no. 3, pp. 9–21. (In Russian.)

24. Апресян Р. Г. *Nravoperemena Ahilla. Istoki morali v arhaicheskom obshchestve (na materiale gomerovskogo eposa)* [Achilles' moral change: The sources of morality in archaic society (A study on the Homeric epic)]. Moscow: Al'fa-M, 2013a. 223 p. (In Russian.)
25. Апресян Р. Г. *O prave l'gat'* [On the right to lie]. Logos, 2008b, no. 5, pp. 4–18. (In Russian.)
26. Апресян Р. Г. *Pervichnye determinanty нравственного опыта* [Primary Determinants of Moral Experience]. Voprosy filosofii, 1993, no. 8, pp. 32–64. (In Russian.)
27. Апресян Р. Г. *Ponyatie moral'nogo chuvstva v etike Frensisy Hatchesona (rannij period)* [The concept of moral sense in Francis Hutcheson (early period)]. Ethical Thought, 2015b, Vol. 15, pp. 170–200. (In Russian.)
28. Апресян Р. Г. *Postizhenie dobra* [Comprehension of good]. Moscow: Mol. gvardiya, 1986b. 207 p. (In Russian.)
29. Апресян Р. Г. *Priroda morali* [The nature of morality]. Filosofskie nauki, 1991, no. 12, pp. 53–64. (In Russian.)
30. Апресян Р. Г. *Problema avtonomii v moral'noj filosofii F. Hatchesona* [The issue of autonomy in Francis Hutcheson's moral philosophy]. Filosofskie nauki, 2014b, no. 11, pp. 9–18. (In Russian.)
31. Апресян Р. Г. *Problema proiskhozhdeniya moral'nyh norm: social'no-vychislitel'nyj i processual'nyj podhody* [The Problem of the Origin of Moral Norms: Social Computational and Process Approaches]. Voprosy filosofii, 2022, no. 8, pp. 65–76. (In Russian.)
32. Апресян Р. Г. *Problema sociabel'nosti v moral'noj filosofii rannego Novogo vremeni* [The issue of sociability in the early modern moral philosophy]. Filosofskie nauki, 2019, Vol. 62 (10), pp. 7–24. (In Russian.)
33. Апресян Р. Г. *Smysl morali v etike Devida YUma* [The sense of morality in David Hume's ethics]. Ethical Thought, 2012, no. 12, pp. 72–103. (In Russian.)
34. Апресян Р. Г. *Talion i Zolotoe pravilo: kriticheskij analiz sopryazhennykh kontekstov* [Talion and the Golden Rule: A Critical Analysis of Associated Contexts]. Voprosy filosofii, 2001, no. 3, pp. 72–84. (In Russian.)
35. “Beseda s Rubenom Grantovichem Апресяном” [Conversation with Ruben G. Апресян], in: *Postigaya dobro: K shestidesyatiletiju Rubena Grantovicha Апресяна: Sb. statej* [Comprehension of Good: On the 60th Anniversary of Ruben Grantovich Апресян: Collection of Articles], ed. by O. V. Artem'eva, A. V. Prokof'ev. Moscow: Al'fa-M, 2013, pp. 24–78. (In Russian.)
36. *Etika: Enciklopedicheskij slovar'* [Ethics: Encyclopedic Dictionary], ed. by R. G. Апресян, A. A. Guseynov. Moscow: Gardariki, 2001. (In Russian.)
37. *Filosofskaya etika i ee perspektivy v sovremennom mire (Kruglyj stol k 10-letiyu ezhegodnika «Eticheskaya mysl'»)* [Philosophical Ethics and Its Perspectives in Modern World: Round-table To the 10th Anniversary of the Yearbook, Eticheskaya Mysl (Ethical Thought)]. Ethical Thought, 2012, no. 12, pp. 5–71. (In Russian.)
38. Guseynov A. A. *CHto govoril Kant, ili Pochemu nevozmozhna lozh' vo blago?* [What Kant said, or Why is it impossible to lie for the sake of good?]. Logos, 2008, no. 5, pp. 103–121. (In Russian.)
39. Guseynov A. A., Апресян Р. Г. *Etika* [Ethics]. Moscow: Gardariki, 1998. (In Russian.)

40. *Ideya morali: teoriya, norma, smysl (Kruglyj stol redakcii zhurnala «Chelovek», posvyashchennyj obsuzhdeniyu knigi R. G. Apresyana)* [The idea of morality: theory, norm, meaning (Round table of the editors of the journal "Chelovek", dedicated to the discussion of the book by R. G. Apresyan)]. Chelovek, 1997, no. 2, pp. 76–88. (In Russian.)

41. Motroshilova N. V. *Recepciya kantovskoj filosofii prava v Rossii vtoroj poloviny XIX i XX vekov i «Metafizika npravov» Kanta* [Reception of Kant's Philosophy of Law in Russia in the Second Half of the 19th and 20th Centuries and Kant's Metaphysics of Morals], in: Kant I. *Sochineniya na nemeckom i russkom yazykah. T. V. CH. 1* [Compositions in German and Russian. Vol. V. Pt. 1], ed. by B. Tushling, N. Motroshilova. Moscow: Kanon+, 2014. pp. 827–970. (In Russian.)

42. *Nravstvennaya filosofiya i etika* [Moral Philosophy and Ethics]. Ethical Thought, 2019, Vol. 19, no. 2, pp. 5–37. (In Russian.)

43. *Nravstvennye ogranicheniya vojny: Problemy i primery* [The Moral Limits of War: Problems and Examples], ed. by B. Koppiters, N. Foushin, R. Apresyan. Moscow: Gardariki, 2002. 407 p. (In Russian.)

44. *O prave l'gat'* [On the right to lie], ed. by R. G. Apresyan. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2011. 392 p. (In Russian.)

45. Schneewind J. *The Invention of Autonomy: The History of Modern Moral Philosophy*. Cambridge: Cambridge UP, 1998. 650 p.

Ruben Apresyan's Ethical Ideas: Searching and Discoveries

Artemyeva O. V.,
Cand. Sc. Philosophy [Ph.D.],
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Senior Research Fellow,
o_artemyeva@mail.ru

Abstract: The paper presents the most important ideas for R. G. Apresyan's ethical theory in their interconnection and dynamics. The key here is the concept of morality, in which he emphasised the priority importance of normative and substantive aspects. R. G. Apresyan showed that the normative content of morality is set by three fundamental normative forms: the Talion, the Golden Rule, and the Commandment of Love, between which there is no gap, on the contrary, they complement each other. Considering the Talion as a specifically moral (rather than domoral) rule, whose essence is to limit and repress evil, is truly innovative, as is the very idea of normative continuity of all three rules. Their complementarity is attributed by Apresyan to historical and genetic interdependence, which he has confirmed on the basis of his own method of "conceptual explication of rudimentary normative content". For R. G. Apresyan, the rehabilitation of Talion was the starting point for a rethinking of moral absolutism and its diverse critique. The study of the sources of moral imperativeness led R. G. Apresyan to the conviction of heterogeneity, inner complexity of the phenomenon of morality as its special feature. It is only by taking this feature into account, R. G. Apresyan argues, that an adequate integral comprehension of morality, covering different aspects of diverse moral experience, is possible.

Keywords: Ruben G. Апресян, moral philosophy, morality, lex talionis, The Golden Rule, the Commendment of Love, critique of moral absolutism, public morality, early Modern European ethics, human sciences.